

Журболат Джуаньшбеков

Профессор КазНУ им. аль-Фараби

КАЗАХСКИЕ САЛЫ И СЕРЭ И РУССКИЕ СКОМОРОХИ

Своеобразной частью культурного наследия Казахстана XIX века является творчество салов и серэ, которых еще называют поэтами-бардами Степи, акынами-мелодистами.

Первое упоминание о *салах и серэ* в научной литературе мы находим у А.В. Затаевича. Он пишет: «Сал» – это эксцентрик, «форсила» футуристического толка, человек, желающий во что бы то ни стало отличаться от «серой» толпы и ей импонировать вычурным ли костюмом, оригинальными ли замашками, смелыми выходками, богатством седла и упряжи и т. п. Соревнование «салов» в оригинальничанье доходило до такого абсурда, что один из них втыкал себе под кожу головы перья филина, которыми казахи обыкновенно украшают свои головные уборы, «дабы украшение никогда не покидало его чела!», а другой... прошелся голым по аулу, «потому что на это не решится никто другой!» [1, 283].

Свойственное носителям древней поэтической культуры единство творчества и образа жизни – это древняя основа тюркской цивилизации. Субъективная лирика *салов и серэ* обозначает синтез онтологических, социальных, фольклорных, художественно-литературных, музыкальных, танцевальных семантических областей и в то же время знаменует преобразование древней поэтической традиции из ритуально-обрядовых сфер в художественную и игровую сферу.

Особенности творческой деятельности поэтов-бардов Степи заключаются в том, что, обладая импровизаторскими способностями, «салы и серэ объединяли в себе все качества и способности акына, жыршы, композитора, артиста, декоратора, фокусника, искусного жонглера, клоуна-комика, спортсмена-борца, конференсье, охотника. Они были народными талантами-самородками» [2, 65].

Из аула в аул поэты-барды ездили в сопровождении многочисленной свиты, состоящей из певцов, жырши, музыкантов, палуанов, посещали веселья, торжества свадьбы, на многолюдных тоях организовывали игры, танцы, всегда находились в центре внимания и своими выступлениями производили эффектное впечатление.

По характеру творчества салы и серэ мало отличались друг от друга. Они создавали божественную лирику, основными образами которой были любимая девушка или женщина, замечательный конь-аргамак, ловчий беркут, гончая собака. С огромным мастерством воспевали салы и серэ любовь и нежность, радость встречи и горечь расставания с любимой.

Ведущая роль в творчестве салов и серэ принадлежала мелодии и актерской игре, поэтому их поэтическое дарование уступало музыкальному. В этом заключается их существенное отличие от жырау и акынов. Кроме того, в отличие от акынов салы и серэ не принимали участия в проведении семейных и родовых обрядов, а в отличие от жырау не занимали важных государственных постов и не считались абызами. Выделялись они и тем, что тщательно следили за своей внешностью: одевались хорошо, богато, но своеобразно.

Отличие салов и серэ друг от друга заключалось прежде всего не столько в характере творчества, сколько в поведении и одежде.

Серэ в том и другом были куда более сдержанными, нежели салы. Одевались они, как правило, богато и со вкусом, со всеми вели себя вежливо и корректно, ко всем были внимательны и чутки, и в этом плане являлись примером для молодых жигитов и девушек. Талант акына-композитора они рассматривали как свое основное призвание и только ему придавали значение.

Салы, наоборот, отличались экстравагантностью и в одежде, и в поведении. Они украшали себя многочисленными безделушками из различных камней и металлов, носили необыкновенно широкие брюки, головные уборы (борик, тумак) украшали пучками перьев филина, бусами, изделиями из серебра и золота. Их верхняя одежда была невероятно яркой и состояла из многочисленных разноцветных и разнородных лоскутов, вплоть до кусков кошмы. Салы паясничали, кривлялись; подъезжая к аулу, падали с коня на виду у всех, делали вид, что не могут двинуть ни рукой, ни ногой до тех пор, пока к ним не подбегали девушки и не помогали встать.

Е. Исмаилов в книге «Акыны» говорит об универсализме дарования *салов* и *серэ*, а также знакомит читателя с особенностями их поведения: шутовством, юродством салов и, наоборот, рыцарством и благородством серэ, преобладанием в их творчестве любовной тематики. По замечанию исследователя, салы и серэ были, как правило, состоятельными людьми и «имели для выездов несколько десятков коней» [2, 65].

Академик А. Маргулан отмечает: «Если миннезингеры в основном рыцарские певцы, то казахские *акыны* и *салы* по своей природе были более близки странствующим певцам славянских народов Восточной Европы. Они создали своеобразный быт странствующего певца-музыканта (сал, сері), напоминающего собой тип скомороха. Их репертуар отличался не только эпическими сказаниями, но и артистическими выступлениями, в которых значительное место занимали шутки, прибаутки, иногда костюмированные фокусы» [3, 71].

В деятельности салов и серэ есть моменты, сходные с некоторыми действиями знахарей и лекарей (балгер). На близость салов и серэ с знахарями, лекарями и фокусниками указывает и уйгурское слово «сири» (сари). Оно означает все эти понятия. Знахари, шаманы и серэ сходны между собой. Их появление следует отнести к незапамятным временам нашей истории, хотя поэтические функции этих веселых бродяг и скоморохов могли сформироваться никак не раньше XIX века.

Пожалуй, возможно отнести к этому понятию и слово «шері» (армия, войска), встречающееся в древних тюркских памятниках. Возможно, что серэ принимали участие в военных походах в качестве войсковых музыкантов, горнистов и т. п. Возможно также, что они, подобно средневековым трубадурам, наряженные в богатую одежду, находились при самом военачальнике или хане в качестве акынов, певцов, балагуров.

В книге Е. Турсунова раскрывается ритуальный аспект поведения, происхождение и формирование в обществе *салов* и *серэ*. По его мнению, их прототипы зародились в недрах воинских союзов, членов которых отличали высокий социальный статус, пренебрежение к физическому труду, отвага и бесстрашие в ратном деле, божественный образ жизни. Эти качества пребывали у них в неразрывном единстве и получили отражение в следующей пословице: «Сал, покажи свое представление, спереди к тебе дева приближается, сзади враг надвигается» [4, 185]. И недаром в мировой любовной поэзии женская красота часто описывалась посредством воинских эпитетов: брови изогнуты, словно лук; ее ресницы наподобие стрел; твоя красота пронзила мое сердце; неприступная красавица. Ведь мастерство на поле брани и умение любить, наряду с художественным дарованием, одинаково высоко ценилось у многих народов. Об этом можно судить не только по восточной, но и по европейской средневековой поэзии.

Отсюда понятно, почему *салы* и *серэ* пренебрегали опасностями. Так, во время сражений они выступали впереди войска, незащищенные броней и в яркой одежде, особенно бросающейся в глаза противнику. Да и в мирной жизни они как бы стояли выше смерти. В одной легенде, например, говорится, что во время угощения перед *салом* поставили большое блюдо сырого курдючного жира, который был тут же

съеден. И хотя данная еда чревата смертью – и он действительно умирает, но как *сал* он не мог поступить иначе.

Все эти качества, наряду с аристократизмом происхождения, послужили причиной глубочайшего уважения, почитания и в какой-то мере обожествления салов и серэ, которым, согласно Е. Турсунову, отводили «почетное место выше старейшин – аксакалов, биев, султанов» [4, 185].

Как известно, французские жонглеры и трубадуры были одновременно певцами-музыкантами и артистами при крупных феодалах. Но определенные типы жонглеров, подобно русскому скомороху, показывали свое искусство публично и пользовались поддержкой и любовью самых широких масс [5, 16-17]. Как утверждает академик В. Ф. Шишмарев, жонглеры были представителями искусства самого раннего периода, искусства, еще сохранившего все элементы синкретизма [46, 471 – 472].

Как для этих певцов-артистов, так и для казахских салов и серэ характерна любовно-лирическая тематика, своеобразная утонченность, а иногда и эстетизм.

Салы и серэ являлись лучшими исполнителями лирических песен и особенно любовных. В этом отношении невольно вспоминаешь известное высказывание Энгельса о средневековой поэзии провансальцев: «В своем классическом виде у провансальцев рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и поэты это воспевают. Цвет «провансальской поэзии любви составляли «альбы» (albus), по-немецки песни рассвета (Tagelieder). Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели своей красотики, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает рыцарю о наступлении рассвета (альба), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; сцена расставания – самый яркий момент в песне» [7, 71].

Именно такого характера любовную лирику напоминает стихотворение Ахана: «Как хорошо скакать ночами на коне». В нем речь идет об акыне, который объезжает аулы и тревожит своими песнями и языком жестов и безмолвных взглядов сердца девушек:

Ища аул моей голубки ясной,
 Так по равнине еду я прекрасной.
 Коня в ущелье спутав на пути,
 Прекрасно к белой юрте подползти.
 Волнуясь, слушать каждый вздох и звук.
 И видеть, как из тьмы выходит вдруг
 Черноволосая, как будто бы случайно
 Мне принося любовь свою и тайны,
 Как ценное добро из сундука.
 Но ночь прошла; заря уже близка;
 На цыпочках выходишь к новой цели:
 Туда, где конь стоит и ждет в ущелье.
 Прекрасно в рот, взяв горстку насыбая,
 Смотреть, как ждет красотка молодая
 И держит за узду спокойного коня.
 Что ж может быть прекраснее на свете,
 Чем ранние мои отъезды эти
 От девушки, ласкающей меня? [2, 66-67]

В творчестве и стиле жизни *сал* и *серэ* генетически сформировались возрастные интересы молодежи. Однако функция *салов* и *серэ* не сводилась исключительно к «развлекающей», вторая сфера их деятельности являлась воспитательной – привитие молодежи навыков и основ степного этикета.

Многие салы и серэ жили «на границе жизни и искусства» [8, 229], не делая различий между своими выступлениями перед публикой и жизнью вообще.

Согласно семиотической теории карнавала, изложенной М. М. Бахтиным в его книге о Рабле [8], королем карнавала становится нищий или дурак, трикстер (шут, скоморох, бахсы, сал, серэ), ему воздают королевские почести. Назначается также карнавальным епископом, и кощунственно оскверняются христианские святыни. Верх становится низом, голова – задом и половыми органами (материально-телесный низ, по терминологии

Бахтина). Меняются местами мужское и женское (мужчины надевают маски женщин и наоборот). Вместо благочестивых слов слышится сквернословие, площадная брать. Меняются местами и сами противопоставления жизни и смерти.

В случае сал и серэ мы имеем дело с иной религиозной системой, а именно с тенгрианством, интегрированным с суфийской доктриной ислама, когда восточная мистерия придает инверсии двоичных противопоставлений, то есть переворачиванию смысла бинарных оппозиций, не временной, как в христианской культуре, а постоянный характер. В западноевропейской культуре шут, трикстер является посредником между мирским и божеским для народа только на время карнавала, перед великим постом, когда все основные оппозиции христианской культуры и все бытовые представления меняются местами.

Сал и серэ – постоянные трикстеры, неизбежные короли карнавала, причем карнавал начинается вместе с их появлением. Именно они соединяют в куртуазно-эротических ритуалах первобытную магию плодородия с социальной миссией поддержания огня любви и сакрально-онтологическими представлениями об устройстве мира.

Отчасти такие же функции несли в себе и русские скоморохи.

Скоморохи и бродячие клоуны странствовали по Руси и всюду пели, танцевали, фокусничали. Одежда их была особая, резко отличающаяся от всех их окружающих. За свое эксцентричное поведение, а главное, за сатирические песни и притчи они преследовались церковью и властями. Отголоски такого отношения религии к скоморошеству звучат в русской пословице «Бог дал попа, а черт – скомороха». Они беспощадно преследовались, изгонялись с главных улиц, ярмарочных и базарных площадей, инструменты их разбивались. То есть деятельность скоморохов была разрешена только в праздничные карнавалы дни. Салы и серэ обладали иммунитетом против преследования властей, потому что их деятельность была полифункциональна, жизненно необходима для выживания социума.

В творчестве салов и серэ сильно проступают фольклорные русские мотивы. Салы и серэ выступали на русских ярмарках, в этих карнавалы центрах общего веселья. Они выступали не только как певцы-композиторы, но и как цирковые артисты самых различных жанров: клоуны, жонглеры, борцы, штангисты, канатоходцы. Они вставляли некоторые русские слова в шуточные тексты своих песен. Так, Ахан-серэ вставил в одну из своих шуточных песен слова: *именной, секретный, хорошенько, сестра, сватья* (именно, секреты, хорошая, сестра, сватья), а сал Шашубай употребил слово «гармонь». В песнях Биржана, Жаяу Мусы, Асета, Кенена, Исы явно слышатся русские, украинские, татарские мелодии, воздействие российской культуры.

Литература:

1. Затаевич А. В. 500 казахских песен и кюев. – Алма-Ата, 1931.
2. Исмаилов Е. Акыны. – Алма-Ата, 1957.
3. Маргулан А. Х. О носителях древней поэтической культуры казахского народа // Сб. статей к 60-летию М.О. Ауэзова. – Алма-Ата, 1959.
4. Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сери и жырау. – Астана, 1999.
5. П. Обри. Трубадуры и труверы // История французской литературы. – М., 1946, т. I.
6. В. Шишмарев. Лирика и лирика позднего средневековья. – Париж, 1911.
7. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1949.
8. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Введение (постановка проблемы) // Литературно-критические статьи. – М., 1986.

